

Режиссерская манера Нины Чусовой – загадка, ребус, который критика пытается разрешить, порой даже забывая об оценке актерской игры в том или ином спектакле. Чаще всего Нину называют «комедиографом» и среди главных действующих лиц выделяют зрительский смех...

Чем она собирается насмешить публику в новом спектакле «Гроза» (театр «Современник»), и собирается ли вообще смешить, пока неизвместно.

– Вам действительно важнее всего, чтобы зрители смеялись?

– Смех – это проводник любой идеи. Если я начну рассуждать – кто меня станет слушать? Когда философствует женщина, потяни ее за палец. А смех расслабляет человека, и он начинает тебе доверять. На этой базе можно говорить уже о каких-то серьезных вещах. Смех и слезы – это безусловные эмоции, и они всегда где-то рядом. Смешное может превратиться в страшное, грустное. И при этом любое грустное можно осмеять. Вы попробуй-те себе представить жизнь, где люди перестанут улыбаться, смеяться. Я без смеха вообще жить не могу. Но с другой стороны, это было ужасно, когда мне сказали: «Вы – комедиограф». Это же ярлык!

– Разве с ярлыком не удобно?

– Да, удобно. Вы не представляете себе, сколько таких предложений я получаю! Могу на антрепризах золотые горы заработать. Но не хочу – не интересно. Был у меня печальный опыт с антрепризой (не буду говорить с какой). Когда заставляешь себя, заставляешь, заставляешь – и не получается. Не спасает ничего – никакие старые штампы. Лучше все это быстро прекратить. Знаете, я чувствую иногда, будто меня ведет по жизни какая-то сила, и это даже происходит иногда независимо от меня. Мне кажется, что я смогу, сделаю, а внутри: «Нет, не сделаешь! А ну, поборись со мной!» И как бы я ни пыталась пойти наперекор интуиции, ничего не выходит. Если бы все люди ее слушались! Я тоже не всегда прислушиваюсь, поэтому на одни и те же грабли иногда наступаю по 20 раз.

– А что у вас за грабли?

– Мне нельзя деньги зарабатывать. Срубить бабки – это мне запрещено! От одной мысли, что я никогда не заработаю, мне становится так грустно – просто ужасно. Мне хочется быть самостоятельной во всем, независимой! Чтобы могла делать все, что захочу, и никто мне приказать не мог. А еще мне нельзя злиться ни на кого. Мне с этим коэффициентом доверия к человеку +1 легче жить – извините, проще для здоровья. Как только возникает некая агрессия или злоба, у меня случается масса проблем. Доходит до маразма: стоит просто подумать про кого-то: «Чтобы провалился», и я тут же застреваю в лифте. Вопрос снят. Беру слова обратно. А иногда бывало закиплю, ногой куда-то махну – раз, а у меня подошва отлетит, и все смеются! Вы что смеетесь?! Я же не смешная, я страшная!... Я поняла, что для здоровья мне надо сидеть тихо.

– Я слышала, что вы замуж собираетесь...

– Ну вроде бы не против, да...

– А есть кто-то конкретный уже?

– Пока нет.

– «Я решил жениться. Полдела сделано – я согласен»? Да? А почему хочется замуж?

– Мне помощь нужна такая нормальная, человеческая. Все ломается в доме – вот для чего нужен мужчина! Все течет! Будто специально. Боже! Эти проблемы решать – просто невозможно... А уборка? Это же трагедия! С детства для меня уроки не были проблемой, была отличницей, но это давалось легко, не достигалось трудом. А вот уборка квартиры, физические вещи какие-то были чем-то ужасным. Так до сих пор и остались.

– Может быть, вам лучше пылесос купить, а не замуж идти?

– Да пылесос у меня есть. Какое-то время после развода я думала, что вся из себя такая самостоятельная, что все могу. Потом поняла, что все равно хочется какой-то раковины. Чтобы была какая-то поддержка, чтобы кто-нибудь сказал: «Не переживай, все это фигня». Нужен мужчина женщине, вот и все.

– А бывший муж вас чем-то не устраивал?

– Нет, он был хороший человек, просто прекрасный! Но закончился какой-то этап, захотелось выпрыгнуть в новую жизнь. Я была такой домашней, маменькиной дочкой, но у меня всегда было желание куда-то бежать, я мечтала жить в мегаполисе. Это произошло мгновенно: уход от мужа, из дома, переезд в Москву. Авантюра чистой воды! Но это и есть судьба, когда будто что-то говорит внутри: завтра надо ехать! Куда? Да в никуда! И я поехала. ГИТИС, студенчество 24 часа в сутки, второй институт, общежитие... Я и общежитие – это вообще вещи несовместные.

– Мегаполис вас не разочаровал? Не тянет к родным березам?

– Меня провинция разочаровывает. У меня нет вообще тоски по родине. И не надо мне говорить про эти березы. Березы – везде березы. А в провинции – плохо, там дышать нечем. Оттого люди там такие злые – в таких городах, как, к примеру, Воронеж, где нет надежды. В мегаполисе тоже есть злые, но здесь есть у человека право на удачу. В провинции же без денег, без лапы никуда не пробьешься. А просто так творчество там никому не ну-

ARTES LIBERALES

Театр Курьер - 2004
Январь (№1) - с. 2-3

жно, все заражены зарабатыванием денег, и больше им ничего не надо.

— Ваше разочарование в провинции как-то отразится в спектакле «Гроза», который вы сейчас ставите в театре «Современник»? Как идут репетиции?

— Грозову. Подробности, извините, сообщать не буду — с нами со всеми какая-то гроза происходит! У композитора, например, то сотрясение мозга, то 39 температура.

— Я знаю, что Катерину будет играть Чулпан Хаматова...

— Да. Это моя вторая работа с ней. Она сама по себе важный такой персонаж. Я от нее как от человека заряжаюсь. В ней заложено такое зерно бунтарства... Чулпан — это такой эмоциональный комочек, и не знаешь иногда, куда она дальше двинется...

— А на роль Кабанихи вы почему-то назначили Елену Яковлеву. Кабаниха — гранд-дама, любопытно...

— Да, у меня Кабаниха — это не баба орловская с чашкой... Извините, не хочу рассказывать, потому что вдруг суеверие у меня какое-то развилось, там все как-то мистически происходит.

— У вас ведь это не первая работа в «Современнике». Вам нравятся в этом театре?

— Да, нравится. У меня здесь случился хороший контакт с артистами. Не случилось конфликта — понимаете? Я этим очень дорожу: не могу работать, если есть трения. В какой-то момент я поняла, что режиссеру не нужно быть монстром, давить на артиста не интересно, его интересно раскрыть. Режиссер должен быть как врач. А врач для меня профессия святая, может быть, потому что у меня мама — доктор, и лучшая подруга тоже, мне всегда было близко это желание вылечить человека. Но при этом профессия не мягкая, потому что ты не должен идти на поводу у пациента. Можешь даже что-то отрезать, сделать операцию, но мне ближе такой подход, когда не болезнь лечат, а пытаются создать у больного энергию для того, чтобы он сам выздоровел. Мне это ближе. Резать — не хочется. Любая диктатура приводит к краху.

— Интересно, что при этом вы вообще не жалуете тексты, с которыми работаете. Режете их безжалостно. И операции делаете: вон у вас «Вий» включал в себя фрагменты «Выбранных мест из переписки с друзьями». Зачем вам это? Текст сам по себе скучен?

— Нет, просто мне нужно сначала раздербанить весь текст, а потом уже собирать его заново. И вот в процессе сборки еще почему-то кое-что дополнительное вставляется. Просто я не пьесу делаю, а ее тему, ядро, которое должно раскрыться и затем взорваться. Для меня пьеса — это кроссворд, который надо решить. И ключи к решению могут быть спрятаны совсем в другом месте. Это как в жизни, когда здесь и сейчас происходит некое событие, но заготовлено оно намного раньше, корни его — в прошлом. Для меня «Гроза» раскрывается через «Снегурочку». Умозрительно они различны, но на эмоциональном уровне сочетаются. И очень часто у меня происходит эта перемонтировка.

— Как к такой перемонтировке относятся артисты?

— С одной стороны — бедные артисты. С другой — они уже привыкли, ведь это определенная игра: что случится, если переставить фрагменты местами? Обнажится ли конфликт? Или вдруг ликвидируется? Или то, что казалось правдой, станет неправдой? В той же «Грозе» все очень странно: в пьесе столько драматизма, готового к взрыву динамики, а начинаешь разыгрывать ее на сцене — куда-то этот динамит исчезает. Если ставить по написанному, то оказывается, что основные события не происходят на глазах у зрителя. О них рассказывается. Они вынесены за скобки. А мне необходимо выяснить, что осталось за скобками! Вот Гоголь сам начинает свой «Вий» с того, что всего лишь пересказывает историю. А я пересказываю то, что он пересказал. Дальше — сидит Гоголь на заборе и так далее, как в анекдоте. И все! А пьеса — это ведь код к какой-то проблеме определенной! Ее раскодировать надо — про что она? А ответ всегда на самом деле один: все про любовь! Какие бы дополнительные вопросы ни были в тексте сформулированы!

— Стоит ли такими сложными путями идти к такому простому ответу?

— Конечно! А нет ничего нового: уже в античности были созданы все формулы пьес. Дальше были только нюансы, ведь время — это просто новый угол зрения на ту или иную проблему, которая всегда существовала и никогда не менялась: детство, юность, зрелость, старость. И ничего нового так пока и не изобрели. Вообще для меня время — очень важный фактор. Оно представляется мне каким-то живым существом, со своим телом, духом и эмоцией.

— И как выглядит для вас существо по имени «Наше Время»?

— Это страшный больной неврастеник. И это не хорошо и не плохо — просто очень много у него болезней, состояний с общей темой «Я сейчас взорвусь». Попробуйте представить себе человека в виде пирамиды, где нижний уровень будет физический, средний — эмоциональный, а верхний — духовный. И если эти три уровня не уравновешены, то пирамидка будет шататься. Мне кажется, что физический уровень у нас сейчас постепенно растет, может даже чрезмерно. Появляется толстокожесть, которая не пропускает через материальное тело возвышенные чувства. Кажется, у нас

Фото С. ИВАНОВА

Я СЕЙЧАС ВЗОРВУСЬ!

более, что у нас традиция: зрелость, в том числе и творческая, должна наступать только в 40 лет. А почему? Почему ты не можешь стать режиссером в 15 лет? И неправда, что твой взгляд на жизнь еще никому не интересен. Я сейчас репетирую в Театре эстрады мюзикл «Энни» с восьмилетней девочкой в главной роли, так она иногда такое выдает...

— Это вы параллельно с «Грозой» репетируете?

— Да. Это совершенно разные жанры, но они дополняют друг друга. «Энни» — это такой мегапозитив. Хочется пробить людей на положительную эмоцию... Знаете, я больше всего на свете хотела бы поставить грандиознейший перформанс — сделать с людьми какое-то потрясение. Пусть хотя бы на пять минут, но чтобы все проснулось — и вдруг оказались в Рио-де-Жанейро. Шок! О! Этого не может быть! Бамс! А потом пусть это голографическое чудо исчезнет — так же неожиданно. Но человек потом всю жизнь проживет с ощущением, что побывал внутри какой-то мечты, и будет к ней стремиться... Вообще, если бы кто-то когда-нибудь даст мне много-много денег, то я смогла бы организовать что-то невообразимое. Я помню, как под встречу XXI века я написала кучу сценариев. Но оказалось, что это никому не надо. Совсем. Зачем строить ледяные залы, кому нужны новые технологии, когда можно сделать очередной рок-концерт и выставить миллион банок пива. В чудесах, как выяснилось, сегодня никто не нуждается. На них ведь не заработаешь.

— А вы сами часто чему-то радуетесь?

— Я даже не знаю... Я забыла... Раньше я могла радоваться просто тому, что день хороший. А сейчас — только-только вот какая-то радость наступает, и сразу черная половина вылезает и бормочет: «Нет-нет, ты смотри! Это все неспроста!» Что ж такое, никак не побороть эту черную часть, никак она не откинется!

— Может, это просто зрелость?..

— Ну жалко тогда! Жалко. Что же — еще хуже будет?

— Мирзоев, например, в себе очень пестует внутреннего ребенка.

— Это правильно, это обязательно. Потому что творчество — это детство. Остальное — не

творчество. В первый раз ты творишь эту жизнь. Самые сильные эмоции получены в детстве, когда ты познаешь мир. Я помню, как в ванночке меня купали, и это чувство восторга от солнца, которое светило из окна. Его никогда больше не было. Или вот детские картинки. Отчего дитя любит рисовать? Потому что открывает все время что-то новое. Я помню это острое ощущение: я хочу! Дайте мне карандаши сию секунду, не через 5 минут! А что ты будешь рисовать? — Не знаю. А как мороженого в детстве хотелось остро! А если не давали, то доходило до слез. Это же трагедия! Какие гланды, вы что?! И ничего другого не нужно, ничего не хочется больше — настолько в детстве велика концентрация и точность желания. Мечта всегда конкретна. В детстве очень развито чувство «я хочу».

— А сейчас, в своих спектаклях-то вы разве не «хотите»?

— Конечно, если внутреннего ребенка выпустить наружу, тогда ты любой бред закончишь, потому что в этот момент уверен, что прав... Да, но иногда теряешь нить, и начинаются муки какие-то, Боже. В детстве нет сомнения. А со взрослой жизнью начинаются сомнения. Я помню, как в Греции мы ставили «Шинель». У меня там команда замечательная была, я год ездила, выбирала актеров. Казалось бы, что им этот Гоголь, эта «Шинель», проблемы этого Башмачкина? А на спектакле все зрители плакали, даже мужчины. Они все поняли! Но для меня в Греции была просто мука. Я там была зимой, а зима в южной стране — это ужас. Что мне этот Акрополь, я не турист вообще! И море есть, но оно не нужно, разве что в нем утопиться. Я лежала в гостинице. Шла на репетиции, и опять возвращалась — и снова лежала. Интерес к жизни вообще пропал: перестали интересовать даже книги! После премьеры умоляла: утром меня отправьте! Побыстрее!..

— Ваш личный человеческий опыт как-то входит в спектакли?

— Скажем так — преломляется. Очень сложный был период со спектаклем «Мамапапа-сынсобака». В это время как раз происходила трагедия «Норд-оста», где у меня двоюродный брат оказался. Мы сидели там, за оцеплением... А вот в спектакле сцена с терроризмом в детской площадке — очень смешная получилась. Не знаю, почему так...

— Вы тяжело переживаете неудачи?

— Бывает, что тяжело. Но неудачи сами по себе не случаются. Значит, что-то не довел до конца. Промашка вышла. В принципе нужно все время оставаться воином, нужно прыгать в пропасть, наступить на кого-то, победить. Но мне это совершенно не интересно.

— Мандельштам говорил, что поэзия — это ощущение собственной правоты... У вас перед премьерой бывает такое ощущение?

— Нет, только во время репетиции. Когда я в поиске и имею право искать, ошибаться. И при этом я все время думаю: вот сейчас выпущу премьеру и счастье испытаю. Но никогда такого не было, и я понимаю, что никогда не будет. Премьера для меня — катастрофа. Какая-то территория беззакония, где ничего не понятно. Будто болезнь неизвестная какая-то. После премьеры будто дырка внутри образуется, и поэтому для меня очень важно, чтобы сразу пошла следующая работа.

— Но досуг же у вас есть какой-то?

— Нестабильный. Нерегулярный. А иногда его вовсе нет...

— А вечернее платье у вас есть?

— Нету.

— Какое бы вы хотели иметь?

— Такое красивое. Очень красивое. Но этим всем надо заниматься, а времени нет. Круг. Так хочется ганимать зарабатывать кучу денег и получить воздух, чтобы в нем существовать. Я бы тогда поехала в какие-нибудь экзотические страны...

— Куда ж вам ездить, если вы не турист?

— Я могу быть и туристом! Не знаю даже, что лучше... В принципе я не считаю, что бизнес — это плохо. Это хорошо, но я так не могу. Я смотрю на бизнесменов: они же по 24 часа в сутки работают, наживают богатство своим трудом, а за это достойные уважения и восхищения. И все-таки большие деньги — это испытание. Так же, как и слава. Слава — это вообще один пункт, который нужно преодолеть и не обращать внимания.

— Для вас это особенно актуально, потому что о каком бы из ваших спектаклей ни писали, пишут не об актерах, а о режиссере...

— Меня спасает то, что я не смотрю телевизор и не читаю газет. Хотя был такой момент, когда я давала интервью совершенно безответственно. И вдруг поняла, что надо ответственной к этому вопросу подходить: другим людям ведь не все равно, что ты скажешь — образ ведь создается.

— А какой бы вы хотели создать свой режиссерский образ?

— Знаете, я боюсь, что мне никто не поверит...

— Почему?!

— Слишком сладко звучит... Мне хочется счастье приносить. Просто приносить счастье. Хочу конфеты дарить, быть как Дед Мороз. Вроде бы режиссер должен нести какую-то идею. Мега-тотальную. А у меня такой идеи мега-тотальной, кроме позитива и счастья, и нет вовсе. И в жизни не хочу ничего больше. Появился бы такой Дед Мороз, который мне тоже дарил бы этот восторг, чтобы я в этом счастье купалась... Я вижу только счастье в конце. Больше ничего.

Вера КАЛМЫКОВА